

М. ЛАТАРЦЕВА

МОТЕЛЬ "ВАШ РАЙ"

18+

Мария Латарцева

Мотель «Ваш рай»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65296301

SelfPub; 2021

Аннотация

Люди, заразившиеся ковид, объясняют своё состояние во время болезни как «нет сил, чтобы жить».

Герой моего рассказа испытал на себе только часть из обширной палитры, которую предложил человечеству вирус: беспричинную тревожность, панику; полную потерю сил, обоняния, памяти; проблемы с пищеварением... И всё это – практически одновременно.

Мария Латарцева

Мотель «Ваш рай»

«Ладно бы, работы невпроворот, а то переливаем с пусто-го в порожнее, будто сглазил кто – не идёт проект, хоть убей, пазлы не складываются», – ворчал про себя Григорий, в сотый раз проверяя расчёты предыдущих испытаний.

«Нет, чтобы дать человеку отдохнуть, а после праздников – за дело с новыми силами! – продолжал он накручивать себя. – Два дня до Нового года, дети приедут с внуками, а мы застряли, по всему, надолго, ни конца не видно, ни краю. Как же я дико устал! Как мне всё это надоело!»

И вот когда точка кипения достигла предела, ситуация благополучно разрешилась – прибежала барышня из конторы и объявила:

– В связи с возникшими обстоятельствами работы на неопределённое время приостанавливаются. О продолжении проекта вам сообщат заранее.

Не успел Гриша от радости захлопать, как девушка удрученно вздохнула:

– Надо ведь такому случиться, да ещё практически накануне Нового года – заболел Виктор Семёнович. Будем надеяться, что всё обойдётся, и вообще – дай Бог ему, и всем нам, здоровья!

Она вкратце сообщила, что у шефа проблемы с поджелу-

дочной – то ли острого съел, то ли жареного, поздравила всех с наступающими праздниками и пожелала приятного времяпровождения.

Такого поворота Григорий не ожидал. «Проблемы, говорите? С поджелудочной?» Он подозрительно обвел глазами враз притихших коллег, вспомнил, что в мире бушует ковид, и так ему жалко себя стало, что от жалости этой щемящей тоскливо сердце сжалось. «А если не поджелудочная? А если врачи с диагнозом ошиблись? – вернулось к Грише мрачное настроение. – Как-то мутно всё, неясно». Мозг его лихорадочно заработал, и вдруг, как вспышка, он увидел то, что должно было произойти в случае врачебной ошибки. «Упаси Господи», – вздрогнул он, будто от удара. Потом, вспомнив, как покойная бабушка когда-то говорила: «Гриня, ты слишком мнительный, дорогой, не к добру это – помяни моё слово», на всякий случай обработал руки стоящим рядом антисептиком.

А ещё через полчаса все девять человек их команды обменялись скупыми новогодними поздравлениями, собрали вещи и благополучно разъехались. Последним покидал ведомственную гостиницу Григорий, к тому времени твёрдо убежденный, что причиной болезни руководителя стало не мнимое отравление продуктами питания, а явно что-то другое.

Вечерние сумерки мягко ложились на припорошенную свежим снегом землю. Освещённая городская улица плавно сменилась загородной трассой, единственным светлым пят-

ном на которой были отражатели на придорожных столбиках на поворотах, но шины уверенно наматывали километры, а мыслями он был уже дома, с родными.

«Надо же, как повезло! – думал он, снова забывая, что стало причиной досрочного окончания командировки. – Есть же силы, которым мы важны!», но тут же вспоминал пожилого, тщедушного Василия Семёныча, который и без болезни от ветра шатался: лицо – держатель для очков, плечи – вешалка для костюма, так ещё вирусом где-то обзавёлся, и ему становилось стыдно за свои дурные, подлые мысли.

О контакте, изоляции и прочих неприятных моментах, выходящих из первого, думать не хотелось, да и некогда было – послезавтра праздник, так что, отмахнувшись от скучной рутины и понадеявшись на всемогущее «авось», Григорий нажал педаль газа. И вдруг, как видение, просто перед его глазами отчетливо вспыхнул красный свет. «Семафор?! Откуда?» Нога автоматически вдавила тормоз в пол, и машина остановилась практически в нескольких сантиметрах от шпал.

«Странно, вроде раньше здесь не было железнодорожного переезда. Может, я заблудился, не той дорогой поехал? – думал он, разглядывая обломанный шлагбаум и сдавая назад. – Видимо, авария недавно случилась, что не успели починить». Всё ещё пребывая в замешательстве, он провёл глазами пустую электричку – в освещённом вагоне порядка десятка-двух человек, все в шахматной порядке, буд-

то инструкция по соблюдению социальной дистанции, а в остальных даже света нет, дождался отбоя, и только снова хотел нажать на газ, как укорочённая рука семафора внезапно всхлипнула, с натугой поднялась и тут же с резким звуком упала, а его красный глаз загорелся опять.

«Да что это с ним?» – происходящее начинало злить, и лишь извечное человеческое любопытство не дало Грише плюнуть на всё, проскочить переезд на красный и следовать дальше своей дорогой. Поезд не заставил себя ждать. На сей раз это был товарняк – Григорий насчитал более тридцати угольных платформ и порядка двадцати цистерн с горючим. Едва лишь последняя груженная углем платформа с тяжёлым стуком проследовала мимо и скрылась за поворотом, Гриша почувствовал, будто по нему проехали все пятьдесят единиц состава – как не раздавили! – казалось, каждый сантиметр тела болит, каждая молекула.

Мало того, он вдруг ощутил, что задыхается, что в лёгких не хватает кислорода – рванул ворот рубашки, только пуговицы полетели в разные стороны. В секунду его охватил необъяснимый животный страх, переходящий в откровенную панику. Он тут же взопрел, словно вышел из бани: по лицу поползли солёные ручейки, рубашка прилипла к вспотевшей спине, подмышками потекло, а тело зачесалось от невыносимого зуда.

«Просто кошмар! Так и свихнуться недолго. Надо бы запустить свежего воздуха», – решил, когда прошла немного

оторопь. Он изловчился, поерзал по спинке сиденья спиной, чтобы хотя бы на время сбить нестерпимый свербеж, привычно включил кондиционер. Густая едкая пелена, оставшаяся в салоне после локомотива, уходить не собиралась. Она, будто играя, клубилась у Гриши в ногах, пряталась в карманах дверей, по углам, на заднем сиденье, одним словом, вела себя, как живая. Он помахал руками, отгоняя дым с лица, чтобы не дышать выхлопными газами, огляделся в недоумении, и только тогда понял, что чего-то не хватает. По спине пополз холодок. Принюхался – точно, запаха нет. Открыл окно, снова принюхался: всё по-прежнему – дымка стоит, нечем дышать, а запаха нет – ни в машине, ни за окном.

– Мистика. Может, эшелона тоже не было? – растерянно спросил себя вслух.

В воздухе, вместе с копотью, висела опасность. Затравленно вжимая голову в плечи, снял ногу с педали тормоза, вдавил в пол газ. Машина дернулась, заревела и с пробуксовкой взяла переезд. «Фуу!» – с облегчением выдохнул Григорий.

Увы, странности только начинались – ещё через несколько минут он почувствовал, что его окутывает жар. Температура надвигалась волнами, как качели, била по мозгам, заставляла судорожно открывать рот – тогда он сам себе напоминал огнедышащего дракона, изрыгающего, вместо пламени, раскаленный тяжёлый смрад. Дошло до того, что даже глаза его горели огнём, во рту пересохло, а губы покрылись сухой запекшейся корочкой. Земля перед машиной тоже ходила хо-

дуном, будто её сотрясала горячка.

Так же неожиданно, как прежде начался, жар пропал, осталась только муторная ломота во всём теле, дрожь в коленках, страшная усталость и абсолютная беспомощность. Казалось, взяли его, сердешного, прокрутили в центрифуге и за ненадобностью, как использованную ветошь, вышвырнули. От немощи и слабости кружилась голова, в глазах гнездились чёрные пятна.

«Мистика!» – теперь Григорий был в этом уверен. Он нервно осенил себя крестом, смахнул испарину со лба, и, чтобы веселее было ехать, решил думать только о приятном, тем более, что было о чём – через месяц исполнится ровно тридцать лет, как он познакомился со своей супругой.

...Помнится, как сейчас, день с утра не заладился: сначала с девушкой поссорился; потом в институтской столовой опрокинул на себя стакан со сметаной; побежал в общежитие переодеваться, и в итоге – не успел на первую пару. Но список неприятностей на этом не закончился – последней каплей стало опоздание на прямой междугородний автобус домой, в посёлок.

«Может, плюнуть на всё и никуда не ехать? – размышлял Гриша, кидая, без разбора, вещи в сумку – студенту пятого курса мехмата есть чем заняться практически накануне защиты диплома. – А можно вообще ничего не делать – просто завалиться спать, или в кино с ребятами сходить вечером». И всё бы терпимо, но завтра – бабулин юбилей, съедется вся

близкая и дальняя родня, и мама отсутствия ему не простит, так что придётся домой добираться на перекладных.

Всё ещё сомневаясь, как поступить, Григорий буквально влетел в зал ожидания автостанции, где размещались билетные кассы. Влетел и застыл: в огромной комнате находился только один человек – маленькая хрупкая девушка, словно подарок судьбы...

Воспоминания немного сгладили неприятные ощущения. Теперь Гриша был уверен, что и сегодня, как тридцать лет назад, он скоро увидит Елену, но вдруг его больное сознание выхватило из темноты непонятное движение. Рефлексы сработали на автомате – нажав на тормоз, рванул машину вправо и стал. На дорогу выкатился лоснящийся клубок – не то ласка, не то хорёк. Напротив машины животное остановилось. «Кошка! – с удивлением узнал Григорий. – Среди леса, зимой? Неужели снова мерещится?» Он протёр кулаками глаза, ещё раз посмотрел на дорогу – котёнок медленно, будто раздумывая, пересёк асфальт и скрылся между деревьев. «Хорошо, не сшиб, успел затормозить, а то мучился бы, что сбил домашнего питомца», – облегченно выдохнул Григорий, вырубивая на трассу.

Вместе с движением к нему вернулось и прежнее дрянное состояние. Следует признать, в последнее время Грише всё чаще казалось, что происходящее с ним – игра воображения, призрачное видение, одного только он понять не мог, как с бредовым ощущением нереальности связана изнуряю-

щая слабость и непрекращающаяся головная боль? Он чувствовал себя обессиленным, обескровленным, выхолощенным и обесточенным, и состояние его не было надуманным.

Возникший посреди дороги ослепительный свет Григорий воспринял, как продолжение обмана, галлюцинации, хотя на самом доньшке его истерзанной души ещё теплилась надежда, что свет впереди – его избавление от опасности.

А пока что ехать дальше не было сил – головная боль не унималась. Она накатывалась волнами, как прежде жар, потом нашла себе удобное пристанище – обосновалась строго над глазами. «Спать! Спать!» – стучало молотком в висках. Хотелось плюнуть на всё, положить голову на руль и уснуть. Он чувствовал себя настолько плохо, что продолжать движение было неразумно и опасно, тем более, ветер поднялся и снег пошёл сплошной стеной.

«Слава богу, не мираж, а самая настоящая гостиница! Наконец-то можно будет отдохнуть», – повеселел Гриша, когда через несколько минут в поле зрения появился роскошный отель с забитой до отказа машинами просторной площадкой. Он сбавил ход. Освещенные окна, празднично суетящаяся нарядная толпа и заполненная под завязку немалая стоянка свидетельствовали о том, что свободных мест в гостинице, скорее всего, нет.

«Счастливики! – провёл жадными глазами семейную пару с ребёнком, из машины которых носильщики доставали баулы с чемоданами. – Ничего, проеду ещё немного, авось, и

мне повезёт». Он нехотя выехал на дорогу и тут же пожалел, что даже не сделал попытки узнать, есть ли в отеле свободные номера – ко сну клонило не по-детски.

Возвращаться обратно не стал. «Должны гостиницы вдоль трассы быть! Должны быть по определению!» – подумал он, и не ошибся, правда, понурое узкое здание метрах в двадцати от дороги разительно отличалось от оставшегося за поворотом сияющего неонам помпезного отеля и казалось конюшней или заброшенным колхозным складом. Схожести с хозяйственной постройкой добавляли десятка два подслеповатых окон-бойниц, размещённых почему-то в верхней части приземистой серой стены, да ряд таких же серых, непримечательных бетонных столбиков, обтянутых сеткой рабицей, служивших оградой – раньше такими были огорожены пастбища для скотины, чтобы загулявшая корова случайно на соседний участок не забрела. Практически плоская шиферная крыша с круглой металлической трубой по центру только увеличивала уродство и без того жалкого жилого строения.

Единственным признаком, что здание – придорожный motel, была жестяная, шатающаяся от ветра круглая вывеска, освещенная засиженной мухами тусклой лампочкой под самодельным абажуром – точь-в-точь, как в старых американских вестернах, лишь с разницей, что не было слышно скрипа, да и то, возможно, потому, что машина от неё на приличном расстоянии находилась.

На небольшом пяточке в глубине двора бок о бок стояли присыпанные снегом старенькие облезлые «Жигули» и не менее ржавый, неприкаянный ярко-красный «Форд». «Странно, неужели гостиница не работает, что парковка пуста? В самый раз фантастику снимать – Голливуду составить конкуренцию», – насмешливо подумал Григорий. Он ещё раз окинул взглядом непритязательный по внешнему виду мотель и его окрестности, но накопившаяся усталость и последние, поистине чрезвычайные события требовали отдыха. «Часок-другой посплю, перекушу и дальше поеду», – всё ещё сомневаясь, он надел защитную маску на лицо и осторожно открыл входную дверь.

Холл гостиницы ничем не отличался от подобного рода заведений, разве только практически весь первый этаж делился на две равные по размеру зоны – стойка администрации и закусочная, отгороженные друг от дружки большой деревянной кадкой с грязно-серыми поникшими листьями папоротника.

– Здравствуйте! Добро пожаловать в «Ваш рай»! – уставившись немигающими глазами куда-то над головой Григория, человек за стойкой машинально разгладил руками толстую общую тетрадь с замусоленными уголками.

Чёрный фартук, как у трудовика, на локтях – бухгалтерские нарукавники, за правым ухом – ручка, как у столяра карандаш... Ручка смешно шевелилась, когда человек говорил, отчего у Григория возникло нестерпимое желание по-

чесать в том же месте. «Вроде нормальная гостиница, только темновато как-то, да и название стремное, типа, в последний путь», – усмехнулся он про себя, всё ещё неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– Покушать или переночевать, или то, и другое вместе?

– И то, и другое вместе, – услышал себя Григорий, будто кто дёрнул его за язык.

– Отлично, – открыл мужчина свой вспухший до середины гроссбух, больше напоминающий амбарную книгу. – Так как, говорите, вас называть, уважаемый?

Послунявив указательный палец, он не спеша перевернул несколько страниц тетради.

– Гриша! – кинулся Григорий к стоящей рядом сумке, сверху которой лежало портмоне с документами и деньгами, но мужик его остановил:

– Успокойтесь, никаких документов не надо – мы вам доверяем. Оплата – по факту, достаточно одной монеты, – весьма серьёзно пошутил администратор. – Так и запишем – «Гриша». Имя редкое, не помню, чтобы раньше были у нас с таким именем постояльцы. Да, во избежание, меня Хароном* зовут, и я тут, так сказать, самый главный.

«Ничего себе! – ухмыльнулся Григорий. – Если у меня имя редкое, то что говорить о его? Хотел бы я видеть родителей, которые сына назвали в честь перевозчика мёртвых душ!»

– Осмелюсь спросить, вы будете один, или ещё кто к вам

присоединится? – продолжил задавать вопросы администратор. – Если что, у нас есть номера для новобранцев, для двоих, троих, с домашними питомцами, с детьми... – принялся монотонно перечислять он.

«В этой дыре?» – чуть не вырвалось у Григория, но что-то вовремя его остановило.

– Варька, Гаврилу покорми, – с тем же непроницаемым лицом проронил мужик, отреагировав на шорохи в задней части мотеля, где, по всему, находились служебные помещения. – Уже с час, как возле крутится, а я занят, – напомнил он ещё раз, продолжая писать в журнале, лежащем на темно-синей скатерти стойки, точно такой же, что и на столиках кафе.

Немного погодя из подсобки последовал ответ:

– Пусть идёт. Покормлю. Чего нет?!

«Да сколько того занятия? – снова чуть не вырвалось у Гриши. – Неужели трудно одного оформить человека?» Он повертел головой в поисках названных – Варька отметилась, ещё раз буркнув в сердцах: «Знает ведь, что только я её кормлю, скотина, но все равно ябедничает, зараза».

«М-да, – недоуменно сморщился Гриша. – В одном предложении дважды оскорбить человека! Это даже дома, наедине с собой, непозволительно, а здесь вообще присутственное место, как никак, мотель, гостиница. Да, не очень красиво получилось, – обескураженно оглянулся он по сторонам. – Хорошо, что не слышал этот самый Гаврила».

Григорий ещё раз внимательно осмотрел холл – никого. За то время, что он находился в помещении, второго названного не было даже в помине: кроме мужика за стойкой, его самого и трёхмастной кошки, что играла в дальнем углу с котятами, в комнате больше никто не появлялся. «Не спрятались же он за портьерами? Хотя, мало ли, всё может быть, если человека называть скотиной и заразой. При таком раскладе можно в землю зарыться, не то, что спрятаться под лавкой».

Любопытство брало верх. Сделав вид, что хочет посмотреть на машину во дворе, он подошёл к одному из узких окон, скрытых заношенными плюшевыми шторами. Тоже никого, только старческие проплешины на плотном драпированном бархате, да пыль, будто иней на зелёной ели в сумеречном лесу. И вдруг из подсобки донеслось:

– Гаврюша, ты где? Иди ужинать, Гаврила!

«Интересно, откуда он выйдет?» – вертел Григорий головой в поисках невидимого гостя, а между тем кошка степенно поднялась, аккуратно стряхнула с себя уснувшего котёнка, и спокойно, не торопясь, направилась на голос. Григорий удивленно провёл её глазами.

– Прибился мелким ещё – Гаврик да Гаврик, Гаврюша, – не поднимая глаз, видимо, не в первый раз, невозмутимо пояснил администратор. – А с месяц назад привёл... тую, прости господи, привела котят. Переназывать не стали, привыкли все давно. Мне кажется, ей абсолютно всё равно, как зовут – Гаврила, Мурка, Шарик, лишь бы поесть давать не за-

бывали.

«Логично», – согласился про себя Гриша.

– Ну вот, закончили, – открыв ключницу за спиной, Харон застыл с поднятой рукой, будто что-то решая. – Счастливый номер вам попал – тринадцатый.

«Да уж, самое оно!» – насмешливо улыбнулся Григорий.

– Держите, – протянул мужчина ключ, и в это время – бах! – свет погас. «Вот тебе и счастье. Ждать себя не заставило», – иронично скривился Гриша, шаря в темноте руками в поисках тяжелого брелка. По спине снова пробежал холодок, а под ложечкой тревожно засосало.

– Пробку выбило, – на удивление спокойно отреагировал администратор, выуживая из недр стойки уже включённый фонарь. Тени шарахнулись в стороны.

– В десятом плита хандрит. Всё руки не доходят заменить. На худой конец, можно, конечно, починить, да тоже времени не хватает – на границе нынче жуткая запара. Не беспокойтесь, сейчас электричество включу – щиток на втором, пойдёмте, заодно и вам номер покажу, – продолжая что-то приговаривать себе под нос, Харон уверенно шагнул в темноту, пронизывая её дрожащим светом.

Рассохшиеся деревянные ступеньки тяжело заскрипели под весом двух человек. «Один, два, три...», – зачем-то считал Григорий, раздумывая, на какой границе запара, и как она связана с плитой в десятом номере придорожного мотеля? После семнадцати прыгающий луч фонаря упёр-

ся в стену. Администратор свернул направо – в коридор, по всей длине которого, напротив глухо занавешенных шторами окон, выстроился десяток неприметных, сливающихся с обоями дверей, в верхней части с узкими стеклянными окошками каждая.

«Всё равно, что в больничных палатах», – вспомнил Гриша, как в четвёртом классе слёг с воспалением лёгких. В детском отделении районной больницы точно такие же окна в дверях находились – проходя мимо, дежурные медсестры и санитарки привычно заглядывали в комнату в поисках малолетних нарушителей больничной дисциплины. «А здесь они зачем? Неужели сотрудники мотеля следят за постояльцами?» – не нашлось у него другого объяснения.

Первая дверь на втором этаже была открыта настежь. Администратор остановился. Бледнеющий свет фонаря пробежал по странной, треугольной формы, комнате, выхватив из темноты стоящую по углам мебель. В левом углу находился круглый полированный стол на резных деревянных ножках с громоздкой вазой скрученных от возраста листьев папоротника посередине. В следующем – высокий стул со спинкой и подлокотниками, в дермантиновой, или, возможно, даже в кожаной, заношенной до дыр обивке. В третьем углу стояло гинекологическое кресло, накрытое плотной клеенкой бледно-зелёного цвета. Пространство в центре комнаты занимала тучная женщина, одетая в не первой свежести белый короткий халат с большими желтыми пуговицами, застегнуты-

ми через одну.

«Перегородка слишком лёгкая, здесь должна быть потайная дверь, – мелькнуло у Гриши в голове, основанное на многолетнем инженерном опыте. – Интересно, что за ней?»

Он с удивлением заметил, как хозяйка кабинета, равнодушно скользнула по нему взглядом, и тут же, будто кролик на удава, сосредоточенно уставилась на Харона, заглядывая ему прямо в рот.

– Знакомьтесь – Деметра, – представил администратор даму. – Точнее, Деметра Петровна.

– Для вас – просто Метра, или Церера, – стыдливо опустила женщина глаза.

«Ого! Собственной персоной богиня плодородия! Они что, издеваются? – уже откровенно возмутился Григорий. – За кого они меня держат?! Харон, Деметра, Церера, а я тогда кто – прокуратор или Наполеон? Может, я в дурку попал, а не в гостиницу? Может, это сговор какой-то, или где-то снимают кино?» – расшифровал он папоротник в вазе, как пропуск в царство мёртвых – только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны*, дочери Деметры и Зевса, открывает живому человеку путь в царство смерти.

– Если вопрос какой, или ещё чего, или просто так, чтобы поговорить, не стесняйтесь, обращайтесь, всё решим, – раздалось приглушенной скороговоркой.

«Какие вопросы? К кому? К этой клуше? К этой жалкой пародии на богиню плодородия?» – не переставал удив-

ляться Григорий. Видимо, догадавшись о раздражении гостя, мужчина снисходительно пожал плечами и благодушно разъяснил:

– Ну, может, постричься надо, или побриться, или... того... Что там сейчас актуально, Деметра Петровна? – Харон вопрошающе посмотрел на женщину, но та даже глазом не моргнула, продолжая беззвучно повторять за ним каждое слово. Со стороны казалось, будто она дурачится, или, что мало вероятно, насмехается.

– Или тест на ковид пройти, – вспомнил, наконец, мужчина «актуальное».

Колыхая пышным бюстом и хитро улыбаясь, Деметра согласно кивнула головой. Полы её халата при этом напряглись, а пуговицы затрещали, будто вот-вот отвалятся.

«Зачем мне тест на ковид? Да и стрижься ночью, у незнакомого человека – верх глупости», – подумал Григорий, незаметно привыкая к своему молчанию, и на всякий случай отодвинулся от женщины подальше.

– Ну, коли что, будете знать. Тем более, если тест окажется положительным, по желанию можем предложить вам лечение. Совершенно бесплатно, – уточнил служащий мотеля и, вспомнив, наконец, о своих прямых обязанностях, поднял вверх фонарь. – Не отставайте, – кивнул он Грише головой, приглашая идти за собой.

Тринадцатый номер оказался в самом конце коридора, как раз напротив электрощитка. Пара секунд – и потреб-

ность в фанаре исчезла, правда, светлее не намного стало: что в комнате, что в коридоре, в редкие потолочные светильники были вкручены дешёвые тусклые лампы накаливания. Как и плюшевые шторы, давно немытые круглые плафоны удачно вписывались в убогое гостиничное убранство.

– Ну вот – живите, сколько хотите, хоть до конца дней своих, – дружелюбно произнёс Харон, по-хозяйски заглядывая в санузел. – Здесь есть всё необходимое: унитаза есть, туалетная бумага, душ с горячей водой круглосуточно, мыло есть, два полотенца... Если помыться надо там, или по нужде сходить... – не спешил уходить мужчина, дотошно перечисляя гостиничное добро, а в животе у Григория так закрутило, что потом холодным прошибло.

«Иди уже, – Григорий чувствовал, что закипает. Только силой воли он сдерживал позывы. – Сам разберусь, куда писать, а где руки мыть». Видимо, Харон услышал его внутреннюю просьбу, так как замолчал, а потом и вовсе обернулся и направился к выходу. Гриша и себе сделал движение, только в противоположную сторону – в недавно разрекламированную ванную комнату, как вдруг:

– Да, чуть не забыл, в номере вашем, в тумбочке, что под столом, бар. Оплата, как полагается, отдельная, тоже по факту. На сей раз можно обычной наличкой, банковских карт и переводов мы не принимаем.

«А-а-а, какой бар? Какой ещё бар?! Какие переводы?! Тут бы в штаны не наложить, а он про бар! Да уходи ты, наконец,

уходи!» – чуть не взвыл Григорий, понимая, что ещё секунда, и он опозорится, но сообщать о своём плачевном состоянии вслух не стал, только нервно заскрежетал зубами да головой мотнул, мол, «понял, согласен, буду знать».

– И ещё одно: ночью в коридоре включается дежурный свет. Он реагирует на движение, – в очередной раз вернулся в номер администратор. – Да, и если что, на стене возле кровати – красная кнопка, если успеете нажать, будете жить, – снова странно пошутил Харон, но Грише было не до шуток. «Не успею!» – плюнув на приличия, он кинулся к унитазу.

С этой поры всё ближнее время Григорий провел в туалете, каждые пару-тройку минут содрогаясь от внушительной порции жидкого стула, льющегося из него всякий раз, когда он опускался на унитаз. Сколько это продолжалось – час, полтора или несколько часов подряд, он не мог сказать. Болезненное раздражение постепенно сменилось тупой апатией, которая, в свою очередь, переросла в непроходимую усталость. В минуту просветления Гриша почувствовал, что злонасилие закончилось. На последнем издыхании он дополз до кровати с заправленным по-солдатски синим застиранным одеялом. Перед глазами поплыло, и он забылся в тяжком сне, будто свалился в пропасть беспомощности.

Временами он приходил в себя, тревожно вскидывался, недоуменно оглядывался по сторонам, пытаясь вспомнить, где он и что с ним происходит, но видел обок себя лишь жут-

кие серые стены и не менее жуткие темно-зелёные плюшевые шторы, чужие, как и он сам, в неприглядном, практически нищенском интерьере мотеля.

В иной раз в его воспаленном мозгу, как цветные картинки, проносились человеческие лица: живых одноклассников, почивших родителей, соседей по дому, случайных знакомых и вовсе незнакомых ему людей, а в узком смотровом окошке то зажигался, то гас свет. Тогда Гриша думал, что уже простился с жизнью, что больше не вернётся назад, но муки его длились бесконечно, будто ещё при жизни он попал в ад.

Однажды ему показалось, что в комнате он не один, и вроде даже фруктами запахло. «Леночка!» – позвал Григорий, но тщетно. Вспомнил, как тридцать лет назад его судьбу решили яблоки...

Вдвоём в пустом зале автостанции он и незнакомая девушка пробыли ровно минуту, но этого хватило, чтобы понять, что они отдельно от остального мира, что они в своём, независимом от других месте и времени, и этого уже не изменить. А потом... А потом было свидание – в тот же вечер. И были румяные яблоки на снегу.

Дома, едва поздоровавшись, Гриша спросил отца:

– Пап, твой «Москвич» на ходу? Он заправлен? Можно его взять?

– Конечно. Ты куда летишь, минуту, как приехал? Отдохни, поешь. Мама скоро с работы придёт.

– Потом поем – у меня свидание! – схватил он лежащее

на столе яблоко. – Тогда я все возьму?! – сгреб фрукты в авоську.

– Бери, – хмыкнул отец удивлённо.

По дороге к Елене Григорий заехал к беседке возле совхозных прудов – читал однажды, как парень яблоки на бере-
зе развешивал, чтобы девушку удивить, решил и себе повто-
рить. Правда, привязывать не стал – просто разложил вдоль тропинки под деревьями, а потом привёз туда Леночку. Ре-
зультат превзошёл все его ожидания: в глазах Елены было столько восторга, столько неподдельного восхищения, что Гриша слова не мог сказать – молча собирал вместе с ней яблоки на снегу. Ещё через месяц он сделал девушке пред-
ложение...

Воспоминания немного развеяли опутавший его мозг дурман, однако боль по-прежнему осталась. Всё ещё на-
ходясь в полуобморочном состоянии, Григорий расслышал возле себя подозрительный шорох. Он сделал попытку под-
няться, но слабость не дала, только и сумел, что зарыться под одеяло, свернуться калачиком и притвориться спящим. Сле-
дующие несколько минут Григорий прислушивался к звукам в комнате – тишина. Тогда, затаив дыхание, он осторожно приоткрыл глаза и тут же отпрянул, вжался в кровать – про-
сто над ним появилась расплывшаяся в улыбке самодоволь-
ная женская физиономия.

– Приплыли, голубчик? А ведь не верили! Кто же нам по-
сле этого враг? – язвительно спросила Деметра. – О, таки

верили, если температуру мерили! Сколько у нас натикало? Нормально всё – тридцать семь и пять.

Гриша с трудом вспомнил, как в бреду заметил в ванной возле зеркала градусник, встряхнул машинально и сунул подмышку, что было дальше, запомнил. В надежде, что женщина уйдёт, он сделал вид, что её не слышит, но та уходит не торопилась.

– Портки не надо менять? – откровенно издевательски принялась она, наигранно прикрывая нос обеими руками. – Фу, какое едкое амбре! Как в чулاناх храма Артемиды!

«Запах! Так вот откуда она узнала о моем состоянии! Теперь её точно не выгонишь», – и себе удручённо принялся Григорий, но напрасно – нюх у него, как и прежде, отсутствовал. Упоминание ещё одной мифической богини он воспринял без эмоций.

Заметив, что у Гриши испортилось настроение, женщина засобиралась.

– Вы чего напуганный такой, мужчина? Просто ужас! Взвинченный весь, дерганный, будто потерянный! Ау-у, вы слышите меня, мужчина?

Григорию показалось, что последние слова Деметры Петровна произнесла мужским голосом, но, чтобы не выглядеть глупо, ничего выяснять не стал.

«Точно – потерянный, – согласился он с Деметрой. – Потерянный в вашем рае».

– Это ваш рай, – в голосе женщины звучал металл. – Вы

сами сделали свой выбор. Никто на вас не давил, никто ни к чему не принуждал – это ваше личное решение. Успокойтесь, я ухожу, больше надоедать не буду, – сменила она гнев на милость и словно растворилась в воздухе. Откуда-то сверху до него донеслось:

– Советую не забывать о красной кнопке!

«Что это за кнопка такая, что все о ней напоминают, может, волшебная? И как она мысли мои узнала?» – раздосадованно огляделся Григорий. Он ещё раз принял себя. «Вот бы воздух можно было на вкус попробовать, я бы тогда без труда любой запах смог бы определить», – подумал он с сожалением, повернул тяжёлый язык и вдруг на внутренней стороне щеки нащупал несколько острых твёрдых бугорков. Раздавил один. Во рту стало горько. Сплюнул кровавой сукровицей вполовину с гноем. Полез в сумку, нашёл зубную пасту, щётку. С остервенением чистил всё, что можно чистить: внутренние полости, зубы, дёсны, даже язык и нёбо. Чистил до тех пор, пока голодный желудок не свело судорогой и его не вывернуло наизнанку желчью.

После нескольких рвотных позывов усилилось давно доминирующее головокружение. Казалось, невидимый миксер взбивает мозги его, как густые сливки, мало того, взбивает медленно, с наслаждением, неспешно накручивая нервы на венчики. Чтобы сохранить равновесие, Гриша обеими руками ухватился за раковину, раздвинув, для большей надёжности, дрожащие от напряжения ноги.

Земля постепенно замедлила скорость вращения, а спустя время и вовсе остановилась. Он поднял глаза – из зеркала за ним пристально наблюдал жалкого вида изможденный человек с неестественно блестящим больным взглядом и мутными ручейками слёз на впалых небритых щеках. Григорий вымученно улыбнулся. Мужчина напротив тоже скривился ему в ответ и даже вяло помахал рукой. Гриша набрал воды в стакан, чтобы рот прополоскать, и с ужасом заметил, как человек в зеркале подносит воду к носу и начинает ею дышать.

«Святые небеса, что со мной происходит?» – в отчаянии взмолился он, обращая к небу свой истерзанный взор.

«Нужно бежать, пока не поздно». Выход был настолько прост, что от неожиданности Григорий остолбенел. Из ступора его вывел звук мотора. Он метнулся к окну и снова обомлел: рядом с его «ласточкой» на тускло освещенном пяточке стояли машины недавних коллег по командировке – все до единой, все восемь машин. «Вот это я влип! Нужно уходить! Как можно быстрее уходить!» – засуетился Гриша. Возможно, так и случилось бы, но он не успел.

То, что за ним наблюдают, Гриша почувствовал затылком. Неторопливо вернул на место тяжелые бархатные портьеры, намеренно смачно потянулся, широко зевнул и стал медленно раздеваться, будто собирается отдыхать. Свитер, рубашка, ремень... Ухо уловило за дверью надсадное дыхание. Два шага и...

– А я хотела спросить, всё ли у вас в порядке, не нужна ли

вам помощь, и вообще – не нужно ли вам чего-нибудь?

Ярко-красное женское лицо лоснилось от пота. Обеими руками Деметра прижимала к необъятной груди полусохшую резную ветвь. Вспыхнув, словно новогодняя ёлка, она кокетливо улыбнулась и неожиданно ткнула Григорию папоротник. Возможно, от толчка, а может, от упадка сил и усталости, он пошатнулся и чуть не упал.

– Так я и думала! Уже созрели, голуба! Идёмте! – обрадовалась женщина, вцепилась в Гришу и потянула его к свой кабинет. В комнате Деметра оставила в покое несчастного пациента, ухватилась за громоздкое гинекологическое кресло, рванула его на себя и, с диким скрипом протаскивая по полу, поставила точно по центру. Не успел Григорий понять, что происходит, намеренно резким движением Деметра Петровна сдернула с кресла клеенку, а из потайной двери в клубах тумана выходил «на границу» с веслом в руках Харон. Что будет дальше, Гриша не стал ждать – рванул к себе в комнату, нажал красную кнопку и...

Очнулся он от громкого автомобильного сигнала и непонятной суеты вокруг его машины – какой-то незнакомый человек стучал кулаком в запотевшее лобовое стекло, ещё один остервенело дергал дверь и громко кричал:

– Уснул, что ли, за рулём, или, не дай Бог, помер? Ау-у, мужик, ты живой? Может, «скорую» вызвать? Мужик, тебе врач нужен?

«Господи, какой кошмар! Приснится же такое!» – Григо-

рий растерянно огляделся по сторонам, потом отрицательно помотал головой.

– Тогда, ездай давай! Ездай своей дорогой, смотри, движение застопорил! И с клаксона руку убери – задрал уже сигналить!

* * *

– Валера с Настей привились – врачей и медсестёр в первую очередь вакцинировали, чтобы исключить заражение на работе, – собирая на стол, рассказывала супруга последние новости. – Сашеньке с Ньютой, говорят, прививка не нужна – мелкие ещё, а я тебя ждала. Ты, Гришенька, пока дети не приехали, отдохни с дороги, ляг, поспи немного, а я на кухне маленько подсуечусь.

Спать ему не хотелось.

– Леночка, я фрукты помою, тебе помогу – потом посплю.

Он спустился в подвал, открыл дверь в кладовку и чуть не упал – то ли от хмельного аромата яблок, от ли от самого чувства, что у него есть обоняние, и нюх он только во сне терял. В ящиках аккуратно «Антоновка», «Богатырь», «Звездочка» – всё, что на даче выращивали, а рядом в пакете – чужие яблоки, не свои.

– Лена, а что это за яблоки в пакете – крупные такие, с бордовым румянцем?

– Это Нинка, соседка, принесла, говорит, первый год урожаем сняли. Сорт «Антей» называется, можно посадить вме-

сто пропавшей «Зимней красавицы», если, конечно, тебе понравится.

«И здесь боги! Просто какое-то наваждение! А ведь красную кнопку мне, как шанс, дали», – подумал невзначай Григорий, а вслух пообещал супруге:

– Обязательно посадим! У них чудесный запах, и я уверен, такой же чудный вкус!

Харб́он (др.-греч. *Χάρων*) в древнегреческой мифологии – перевозчик душ умерших через реку Стикс (по другой версии – через Ахерон) в подземное царство мертвых. Получал он за это плату в один обол, по погребальному обряду находящийся у покойника под языком.

Демéтра (др.-греч. *Δημήτηρ*, от *δῆ*, *γῆ* – «земля» и *μήτηρ* – «мать», «Мать-земля») – в древнегреческой мифологии богиня плодородия, порождающая всё живое и принимающая в себя умерших, в древнеримской – Церера.

Персефо́на (др.-греч. *Περσεφόνη*) – в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мёртвых, владычица преисподней. Золотая ветвь (папоротник), сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти.